

ЯВЛЕНИЕ ЭРОСА В СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ КОНЦЕПЦИЙ
ПЛАТОНА И В. СОЛОВЬЕВА

В статье рассматриваются взгляды Платона и В. Соловьева на проблему эроса. Анализ проводится в сравнительном аспекте, в результате чего прослеживаются связи между концепциями философов. Платон и В. Соловьев усматривают в сущности явления эроса доминантное начало любви полового характера. В теориях мыслителей главное отличие составляет внутренняя характеристика источника взаимодействия и конечного предназначения феномена любовного чувства. Платон считает, что любовь – данность божественного происхождения, в свою очередь В. Соловьев видит в ней потенцию богочеловечества, осуществленную в будущем.

Истоки рефлексии на проблему эроса вместе с другими видами любви уходят далеко в период античности. Одним из основоположников философии любви стал Платон, изложивший свои взгляды в двух диалогах – «Пир» и «Федр». Но уникальность Платона и его теории состоит в том, что он как никто другой в эпоху античности указал на духовно-телесный характер любви. В. Соловьев в значительной мере продолжает дело, начатое Платоном. Следует сразу отметить, что и древнегреческий, и великий русский мыслитель говорили как раз об эротической стороне любви. Другие формы любви рассматриваются как имеющие периферийный статус в сравнении с любовью-эросом. Для мировоззрения Платона этот факт не является удивительным, поскольку он не пережил христианской традиции, доминирующее положение в которой имели любовь-филия и любовь-агапэ и которая так прочно укоренится в средневековье. Любовь-агапэ (caritas) у В. Соловьева пребывает в сфере этической проблематики, которую он разрабатывает в «Оправдании добра».

Актуальность данного исследования обуславливается интересом в последнее время к философии любви вообще, а в особенности – к концепциям анализируемых авторов, которые очень близки в оценке эроса. К тому же В. Соловьев был видным интерпретатором и переводчиком Платона и для него начинания древнегреческого философа в вопросе любви являются истоком и авторитетом для своих собственных воззрений и имеют в последующем важнейшее значение для всей русской мысли.

Целью настоящей статьи является проведение границ между сходным и различным в теориях эроса Платона и Соловьева, акцентируя внимание именно на концептуальных моментах. **Задачи** задаются целью и состоят не только в попытке осмысления и сравнительном анализе вышеуказанных учений об эросе, но и в определении недостатков этих концепций.

Итак, и Платон, и Соловьев видят в сущности любви доминантное начало эроса – любви преимущественно половой, т.е. любви между мужчиной и женщиной и только в этой любви эрос становится как бы самим собой, он не распространяется на однополюсные отношения. Для Соловьева именно половая любовь, всегда сопровождающаяся страстным проявлением, ведет к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, что Соловьев доподлинно иллюстрирует библейской фразой «будут два в плоть едину», т.е. «станут одним реальным существом» [1, с. 119]. Как видим, так проявляется у Соловьева мистицизм и реализм одновременно, ведь, по мнению мыслителя, данное явление реально осуществимо в материальном мире. Соловьев критикует спиритуализм,

имея в виду объектом критики, очевидно, чистую душу, а не чистый дух, который соединяет душевную и телесную сторону человека. И именно к духовно-телесному единству и стремился гениальный русский мыслитель, но на земле, а не на небе.

Душевная (духовная) сторона – значит спокойное обладание полнотой бытия, которому соответствует концепт дружбы. Платон строит антиномию дружбы и любви (эроса) как противостояние явлений рассудительности и необузданности, привязанности и влекомости, душевного спокойствия и телесной беспокойности, порой даже нравственного и безнравственного отношения к любви. Если речь Лисия в «Федре» целиком защищает преобладание концепта дружбы, в сравнении с концептом эроса [2, с. 231], то речи Сократа (а его голосом в своих диалогах всегда говорил Платон) представляют собой апологию эроса как влечения и эмоционального порыва, имеющего целью обладание благом и стремление слиться в единое существо [2, с. 237, 244], [3, с. 199]. Филия (дружба), по Платону, имеет косную и простую структуру и ничем не примечательна в гедонистическом плане, эрос, наоборот, привлекает экзотичностью своей формы. Соловьев также делает ссылку на отсутствие в филии и прочих видах любви различия восполняющих друг друга формальных свойств [1, с. 118]. Правда, в эросе Соловьева присутствует однородность и равенство, у Платона же это дифференциальные черты филии и к эросу они не имеют никакого прямого отношения, более того, противостоят им. Лисий обнаруживает, что дружба служит не мгновенному удовольствию, а будущей пользе, а страсть мешает разобраться в истинных чувствах [2, с. 232-233]. Сократ, напротив, акцентирует внимание на субординативном подходе к любви, когда влюбленный изменяет объект своей любви таким образом, каким он ему будет всего приятнее, старается сделать объект слабее и беспомощнее себя [2, с. 239]. Диалогам Платона свойственен любовный утилитаризм (а он, собственно говоря, характерен для всего античного миропонимания): влюбленные смотрят, какой ущерб претерпели они в своих делах из-за любви, а тело привлекает еще до того, как они, т.е. влюбленные, узнали характер как основания для существования межличностных отношений [2]. Соловьев стоит на той позиции, что телесное взаимодействие апеллирует к человеку как к индивиду и чтобы стать личностью, человеку нужно пережить духовное рождение. Русский мыслитель придает своей концепции рационалистический характер сообразно пониманию о человеке как о существе разумном и вместе с тем имеющем способность любить (*ens amans* у М. Шелера), животное же использует любовь как средство для размножения. Соловьев говорит, что размножение живых существ может обходиться без половой любви [1, с. 99], к тому же «в пределах размножающихся исключительно половым образом (отдел позвоночных), чем выше поднимаемся мы по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила полового влечения и взаимной привязанности, напротив, больше» [1, с. 99-100]. Русский философ в продолжении своего философствования отмечает: «Видеть смысл половой любви в целесообразном деторождении – значит признавать этот смысл только там, где самой любви вовсе нет, а где она есть, отнимать у нее всякий смысл и всякое оправдание» [1, с. 106]. Соловьев заключает, что это мнимая теория любви.

У Соловьева для претворения в действительность феномена любви необходимо включение *ratio*. Гармонию в любви можно достичь только благодаря вверению в область любви царства разума, что возможно исключительно для человеческого мира, в мире животных отсутствует собственное разумное сознание. А по логике русского мыслителя, значит, отсутствует и истина, т.е. животные не могут осознать или осознавать истины [1, с. 111]. А истина есть любовь. Любовь у Соловьева приобретает экзистенциальный характер: «Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется

любовью» [1, с. 112]. Любовь же у животных – лишь средство для деторождения. «Любовь и размножение находятся между собой в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другая» [1, с. 100].

Платон настаивает не на животнo-природном, а на божественном основании любви, раскрывающемся в неистовстве (неистовство – *μανία*): «Неистовство, которое у людей от Бога, прекраснее рассудительности, свойства человеческого» [2, с. 244]. Неистовство выходит за рамки нравственности, являющейся стержнем концепции Соловьева, но не означает попросту зла: «Неистовство боги даруют для величайшего счастья» [2, с. 245]. *Μανία* [Мания] имеет исключительно божественное происхождение. И истина открывается только эротическому безумию и экстазу, эрос, заполняя душу страстным началом, мутит рассудок безумием, он противостоит здравому рассудку. С другой стороны, неистовство сопряжено с неумеренностью любовных вожделений и для античных мыслителей такая ситуация не создает гармонии, разрушает всякую гармонию. Вместе с тем само неистовство у Платона имеет разнородные части – часть левая и часть правая, которая связана с мудростью. И эта правая часть называется божественной любовью и характеризует избрание возлюбленного исключительно по нраву [2, с. 252]. Хотя у древнегреческого философа влюбленный прежде впадает в неистовство, а невлюбленный рассудителен, т.е. пребывает в лоне мудрости. Так мы наталкиваемся на противоречие. При этом божественная природа у Платона явно имеет языческие особенности, поскольку любовью здесь управляют языческие боги, на что указывает А.Ф. Лосев [2]. Всемогущим богом у Платона оказывается Эрот, который в ходе рассуждений мыслителя представляется не нежным или мягким, а грубым, не богатым, а бедным, и все, что он не приобретает, идет прахом, поскольку имеет нейтральное положение между мудростью и невежеством. Эрот – древнейший бог, поскольку у него отсутствуют родители, о которых не упоминает ни один автор. Платон приводит слова древнего поэта Гесиода, что сначала возник Хаос, а следом «широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, с нею Эрот» [3, с. 178]. В «Пире» генезис бога любви относят к случаю, когда Эрот был зачат на празднике рождения Афродиты и стал сыном Пороса и Пеннии [3, с. 203]. Но у Платона нет вещей и действий, которые сами по себе были бы прекрасными или безобразными. «Ни одно действие ни прекрасно, ни безобразно, если оно совершается прекрасно – оно прекрасно» [3, с. 183]. Так и Эрот в «Пире» не прекрасный и не безобразный, он «нечто среднее между бессмертным богом и смертным человеком, он великий гений, благодаря которому во Вселенной поддерживается внутренняя связь» [3, с. 202]. В знаковой речи Диотимы («Пир») заключено, что Эрот сам по себе не прекрасен и не добр [3, с. 202]. Но Эрот нуждается в красоте и в добре, потому что добро тоже прекрасно.

Речь Эриксимаха в «Пире» доказывает, что Эрот разлит по всей природе: «Живет Эрот не только в человеческой душе и не только в ее стремлении к прекрасным людям, но и во многих других ее порывах – в телах любых животных, в растениях, во всем сущем» [3, с. 186]. Таким образом, Эрот наделяется вселенским и космическим значением.

Но в то же время нельзя сказать, что русский мыслитель не признает божественной природы человеческой любви. Напротив, Соловьев пронизывает любовное чувство божественным провидением. Силой, которой управляется существующее бытие, есть Промысел Божий, а не мировая воля, как явствует из концепций А. Шопенгауэра и Э. Гартмана [1, с. 106]. И именно божественное провидение у мыслителя разрешает антиномику телесного и душевного. С другой стороны, любовь не является в Библии орудием христоронического процесса. По Соловьеву, любовь вообще не служит человеческому роду, т.е. она имеет исключительно индивидуальное значение [1, с. 108]. У Соловьева прежде физиологического соединения, как это наблюдается в животной среде и

которое ведет к смерти, и прежде законного союза в порядке социально-нравственном (брачного союза) должно быть соединение в Боге, который перерождает человеческую природу силою благодати [1, с. 137].

Как видим, у Платона процесс восстановления целостности личности идет от Бога к человеку, а у гениального русского философа – от человека к Богу и совершение любви в материальном человечестве – процесс целиком богочеловеческий, он требует от человека труда и нравственного подвига. Любовь как божественный дар является одновременно и фактом природы, т.е. независимым от нас естественным процессом, «но отсюда не следует, чтобы мы не могли и не должны были сознательно к нему относиться и самостоятельно его направлять к высшим целям» [1, с. 123]. И доминирующая роль в этом деле принадлежит как раз человеку. Теория любви у Платона внешнеэкстатична, а у Соловьева эта экстатичность глубоко внутренняя. И эта имманентность практична не *чрез*, а *для* существующего космоса. Как верно отмечает В. Зеньковский [5, с. 56-57], любовь у русского мыслителя не дана, а задана, она направлена в будущее, в котором ясно видна цель. В отличие от Соловьева, Платон не ставит перед человеком никакой цели, он констатирует все то, что мы имеем в наличной эмпирической действительности, цель уже реализована божественным Эротом и там не нужно воздействия человека и его нравственного усилия, а лишь покорное подчинение. Для Платона эрос – это данность, то, что уже присутствует и проявляется в способности наслаждаться бытием, для Соловьева эрос – то, что предстоит осуществить (воплотить), поэтому великий русский мыслитель и формулирует основной смысл любви, который состоит «в оправдании и спасении индивидуальности чрез жертву эгоизма» [1, с. 113].

Как мы отмечали выше, в концепции русского философа в порядке любви присутствует равноправие, а в большей степени даже самоотречение одного человека перед другим. Позиция мыслителя глубоко антиэгоистична, он этим хочет спасти индивидуальность, человеческая индивидуальность признается как восстановление образа Божия в человеке. Древнегреческий же философ в «Федре» считает, что любовь строится на неравноправии двух взаимодействующих между собой личностей. Любимый становится мнимым рабом по отношению к влюбленному. У Платона как раз и проявляется зло эгоизма в том, что влюбленный, по справедливости приписывая себе безусловное значение, несправедливо любимому отказывает в этом значении. К тому же любовную ситуацию философ трактует как интенцию субъекта, направленную на объект. Любовь – это, прежде всего, любовь к чему-то, т.е. к объекту. Но, по Соловьеву, «предмет любви не сохраняет в действительности того безусловного значения, которое придает ему влюбленною мечтою» [1, с. 120], а безусловное значение является нераздельной частью всеединного целого. Понятие влюбленной мечты означает, что положение настоящей любви ныне трансцендентно к существующей действительности.

У Платона наслаждение любовным чувством есть наслаждение прекрасным, т.е. его теория любви в большей степени эстетична. Соловьев же преодолевает сущее и выходит к подлинной онтологии: его теория любви онтологична, т.е. такая любовь, которая преображает, воскрешает и завершает мировой процесс (красота есть мир спасенный). Очевидно, что человек у обоих мыслителей имеет не только материальную, но и идеальную, божественную природу. Для Соловьева человек – осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства [1, с. 111]. И само дело любви у Соловьева носит идеальный, а не физический оттенок. Мыслители движутся от материальных недр к идеальной онтологии, но проявления этого движения различные. У Платона любовь имеет исключительно аффективный характер, у Соловьева рационалистичный, и только так она может развиваться, выходя из области смутных аффектов и невольных влечений, ведь чувственные потребности должны быть духовно освящены.

В ст. 5 «Смысла любви» Соловьев формулирует главный метод (способ) достижения любви в пределах эмпирического сущего: «Опыту внешних чувств должен быть противопоставлен опыт веры» [1]. У Платона про веру ничего не сказано, ее предвосхищает понятие мудрости, точнее любви к мудрости – философии. А любовь к прекрасному – это конечное достижение любви, которое произведется только в сфере эстетического как бесконечное созерцание прекрасного. И душа у Платона имеет только строго созерцательную способность, проявляющуюся в вечном созерцании вечных идей. София (мудрость) у Платона является вечной категорией. Для Соловьева красота является местом соприкосновения двух миров – материального и духовного, но нет красоты в физическом рождении тел к смертной жизни. Русский мыслитель провозглашает такой вечной категорией веру: «Любовный пафос приходит и проходит, а вера любви остается» [1, с. 149]. Любовь верою и любовь через веру – и есть нравственный подвиг человека, который духовными усилиями преодолевает смерть и движется в направлении к богочеловеку, поскольку «духовно-физический процесс восстановления образа Божия в материальном человечестве никак не может совершиться сам собой, помимо нас» [1, с. 126]. У Соловьева любовь персоналистична, у древнегреческого философа она носит скорее родовой смысл. Соловьев видит смысл половой дифференциации не в идее родовой жизни и ее размножении, а в идее высшего организма [1, с. 99]. Мыслитель с позиций позитивизма смотрит на возможность достижения такого идеала. Важно, что у русского философа, в отличие от Платона, присутствует связь поколений, неприемлющая эгоизма и выражающаяся в понятии сизигического отношения (сизигия – сочетание), т.е. любовного отношения [1, с. 158]. Сизигия есть проявление любовной соборности. У Соловьева работают одновременно принципы антропологизма и космизма.

Важнейшим моментом в трактовке эроса является статус Афродиты – богини красоты в греческой мифологии, ведь, по Платону, любовь – это рождение в красоте, рождение в Афродите, которая имеет диалектичную природу, распавшаяся на Афродиту земную и Афродиту небесную. Афродита небесная является дочерью Урана, т.е. имеет строго мужское начало [3, с. 180], требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве [3, с. 185]. «Эрот Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, – недаром это любовь к юношам, а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости» [3, с. 181]. Платон принимал земную Афродиту (Афродиту всенародную, т.е. Афродиту Пандемос), но в принципе, как свидетельствует Соловьев, отвергал ее всю целиком [3, с. 192]. Этот факт проявляется в речи Павсания («Пир»), в частности, когда он говорит, что Афродиту пеструю любят люди ничтожные [3, с. 181]. Правда, Соловьев истинной любовью считает и нисходящую, и восходящую (старшую) Афродиту, ведь они обе имеют общий корень, который проявляется в образе совершенной Женственности [3, с. 146]. Этот образ восстанавливается вследствие превращения индивидуального женского существа в неотделимый от своего лучезарного источника луч вечной Божественной женственности [1, с. 146]. Это и есть объективное воссоединение индивидуального человека с Богом, эклектичное соединение сферы земной и сферы божественной, София (мудрость) становится Женственностью.

На наш взгляд, Платон не достроил своей концепции, что и констатирует Соловьев в «Жизненной драме Платона», «ведь логически Платон должен был бы придти к заключению, согласно которому эротическая задача состоит в сообщении бессмертия той части нашей природы (материальной), которая сама по себе его не имеет, которая обычно поглощается материальным потоком рождения и умирания» [6, с. 198], хоть, по Платону, своей разумной душой человек и так бессмертен, разумная (высшая) душа находится с низшей душой всегда в стане борения.

В целом Соловьев строит свою теорию любви, используя основные положения Платона, но качественно их переосмысливает. Одним из таких положений является положение об андрогинизме. Андрогинизм – гармоничное соединение двух противоположных начал в человеке – мужского и женского. По мнению Платона, мужской пол происходит от Солнца, женский – от Земли, а Луна совмещает оба начала [3, с. 190]. У Соловьева наблюдается нечто подобное: женщина является материей, а мужчина – проводником божественной силы [1, с. 141]. Мужчина как существо активное имеет большее значение, нежели женщина как пассивная индивидуальность (Афродита небесная имеет мужское происхождение). Согласно русскому мыслителю, каждый современный человек не есть целостное существо, сам по себе он ничто. Данная гипотеза у Платона имеет ярко выраженный физический характер: «Каждый из нас – половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину» [3, с. 191]. Соловьев, критикуя всякие извращения, связанные с половым соединением неестественным способом (фетишизм), как мы уже отмечали, главный источник любви видит в разности форм (форм, а не материй), в половом различии, потому-то половая любовь у Соловьева и приобретает приоритетное положение. По Платону, мы достигнем блаженства тогда, когда найдем соответствующий себе предмет любви, ведь «Эрот – это всегда предмет, в котором испытываешь нужду» [3, с. 200], и со слов Сократа: «Вождление вызывает то, чего недостает, а не то, в чем нет недостатка». Следовательно, любовь находится в сфере необходимости, а не свободы. Русский философ в свою очередь говорит, что не в предмете любви дело (предмет любви – только полдела), а истинное дело в способности достижения большой любви, ведь «любовь существует в своих зачатках и задатках, но не на самом деле» [1, с. 121]. Любовь есть величайшее дело на основе веры, а не влечение, слепое вождление для удовлетворения Эрота. Соловьев говорит не об удовлетворении от сиюминутной любви, а об удовлетворении от пребывания в истинной любви, пребывания в истине. Эрос у обоих мыслителей имеет творческий характер. Это созвучно мысли Н. Бердяева, который говорил, что, помимо любви к женщине, для мужчины большое значение приобретает возможность творческой самореализации. Платон говорит: «Каждый, кого он коснется, тот поэт. Не было бы творений Аполлона без любви и страсти» [3, с. 197]. Платон видит высшими ступенями эроса сочинение поэзии и составление речей для возлюбленного. По Соловьеву, суть любви состоит в сотворчестве мужчины и женщины для истинного духовно-телесного соединения (слияния у Платона). У Соловьева ничего не сказано о словесном искусстве, о словесном творчестве в ее связи с проблемой любви, но сказано о надобности развивать искусство любви. Слово и связанное с ним творчество развивается, а любовь пока существует «лишь в зачатках и задатках, но не на самом деле».

В произведении «Пир» в речи Диотимы отмечено, что от рождения на человека как бы наложено бремя и ему нужно придать верное отправление для конечной цели – бессмертия: «Соитие мужчины и женщины – разрешение от бремени (беременности). Зачатие и рождение – проявление бессмертного начала в существе смертном» [3, с. 206]. Так поддерживается способность оставлять новое вместо старого, продуцировать это новое. Любовь устремлена к бессмертию. Вместе с тем Платон допускает и беременность души, но он не приходит к окончательному выводу, что за любовь нужно отдать душу, поскольку душа у Платона не имеет сознания, она только догадывается о своих желаниях. Как правильно отмечает Соловьев [6, с. 200], Платон ушел от реальных проблем в идеальный мир умозрений, не решив задачу объединения земного и небесного, человеческого и божественного. Соловьев в этой связи подчеркивает: «Если неизбежно и невольно присущая любви идеализация показывает нам сквозь эмпирическую видимость далекий идеальный образ любимого предмета, то, конечно, не затем, чтобы

мы им только любовались, а затем, чтобы мы силой истинной веры, действующего воображения и реального творчества преобразовали по этому истинному образцу не соответствующую ему действительность, воплотили его в реальном явлении» [1, с. 126]. По Соловьеву, любовь является не просто отвлеченной идеей, а конкретным делом, для реализации которого важной является не аномальная духовная любовь, а полная телесная жизнь. Соловьев идет дальше и видит в зачатии и рождении лишь дурную бесконечность – начало смертности, подчеркивая тождество богов жизни и смерти – Диониса и Гадеса [1, с. 131]. Главная задача его теории – создать из двух смертных, ограниченных индивидуальностей бессмертную идеальную личность. Этот процесс должен стать отображением создания нового человека вследствие соединения двух существ, «сохраняющих формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение» [1, с. 122]. Но чтобы человеческая форма была восстановлена в своей целостности, надобно наполниться абсолютным содержанием, т.е. вечной жизнью, царствием Божьим.

Очень схожи пути достижения любви как процессы восхождения к идеальной субстанции. У Платона этот путь ведет от материального к идеальному, сущность которого состоит в том, чтобы в молодости устремиться к прекрасным телам, а далее к прекрасным душам и получить море красоты [3, с. 210]. Идеальность – жажда целостности [3, с. 193] и стремление к ней, которая раскрывается только в любви. Платон использует аполлонический способ постижения реальности, проявляющийся в надобности в правильном порядке созерцать прекрасное – от прекрасных тел к прекрасным нравам и учениям, прекрасные учения означают выход к любовной мудрости. В конечном счете выходит чистая идея – созерцание прекрасного самого по себе и торжество наслаждения красотой. По Платону, любовь – стремление родить и произвести на свет в прекрасном, рождение в прекрасном одновременно есть стремление к бессмертию [3, с. 209].

И для Платона, и для Соловьева любовь – это прежде всего процесс восхождения к высшим ступеням существования. Соловьев предлагает свои пять путей достижения любви [6, с. 201]. Первые два пути связаны с половыми извращениями и животными страстями, о них мыслитель почти не говорит. Третий путь связан с разумной мерой. Мера как проявление нормы аполлонической представлена брачным союзом. Четвертый путь есть аскетический путь, когда эротическую энергию аскет оставляет в самом себе. Но, согласно Соловьеву, это не есть высший путь, потому что мыслитель не видит смысла в ограничении чувственных влечений. Пятый есть совершенный и окончательный путь истинно перерождающей и обожествляющей любви на основе веры [6, с. 201-203], поскольку образ и подобие Божие относится не к половине, не к полу человека, а к целому человеку, т.е. к положительному соединению мужского и женского начала. У Платона это внешнее соединение, что для русского мыслителя есть уродство [6, с. 204], не имеющее определенного отношения к любви [1, с. 127]. У Соловьева, на наш взгляд, проявляется истинный андрогинизм.

Вместе с тем любовь у Соловьева выше, чем разум, разум одновременно приобретает своеобразное орудийное значение для претворения любви как высшей цели: «Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т.е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его» [1, с. 112-113]. Так проявляется и доказывается сакральность любви.

Выводы

Проанализированные концепции любви двух величайших философов свидетельствуют о высокой степени проблематизации в отношении к эросу и его связи с другими вопросами бытия – вопросами жизни и смерти, вопросами смысла жизни. И Платон, и Соловьев видят в сущности любви доминантное начало эроса – любви полового характера между мужчиной и женщиной. Оба мыслителя настаивают на духовно-телесном единстве, которое проявляется только в половой любви, но не отказываются от одного из двух аспектов – душевного или телесного, наоборот, телесность философами одухотворяется. Древнегреческий и русский мыслители воспринимают любовь как процесс восхождения от телесной материальности к душевной идеальности, как процесс восстановления целостной андрогинной личности и, таким образом, через любовное чувство открывается путь к человеческому бессмертию.

Вместе с тем в теориях любви обоих мыслителей немало различного. Платон строго защищает любовный утилитаризм и гедонизм, любовное неравноправие и придает эросу эстетический характер. Соловьев отвергает сугубо эгоистический подход к любви и противопоставляет опыту позитивного знания опыт веры, создавая для концепции онтологический статус. Для Платона любовь аффективна и имеет божественное (маническое) происхождение. Соловьев же уверен, что пока на самом деле не существует истинной любви и она не дана людям готовой с неба. А чтобы ее достичь, необходима действенная помощь человеческого разума как основы для нравственного подвига восстановления в человеке образа и подобия Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Смысл любви // Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьев. – М. : Искусство, 1991. – С. 99-160.
2. Платон. Федр / Платон // Собр. сочинений : в 4 т. Т. 2. ; [пер. А.Н. Егунова]. – М. : Мысль, 1993. – С. 227-279.
3. Платон. Пир / Платон // Собр. сочинений : в 4 т. Т. 2. ; [пер. С.К. Апта]. – М. : Мысль, 1993. – С. 172-223.
4. Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Философия, методология, культура / А.Ф. Лосев. – М., 1993. – С. 188-198.
5. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. Т. 2. / Зеньковский В.В. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 544 с.
6. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьев. – М. : Искусство, 1991. – С. 161-211.

А.О. Миргородський

Явище еросу в порівняльному аналізі концепцій Платона та В. Соловйова

У статті розглядаються погляди Платона та В. Соловйова на проблему еросу. Аналіз здійснюється в порівняльному аспекті, унаслідок чого прослідковуються зв'язки між концепціями філософів. Платон і В. Соловйов бачать у сутності явища еросу домінуючий початок любові статевого характеру. У теоріях мислителів головну відмінність складає внутрішня характеристика джерела взаємодії та кінцевого призначення феномену любовного почуття. Платон вважає, що любов – даність божественного походження, у свою чергу В. Соловйов бачить у ній потенцію боголюдства, яка втілиться в майбутньому.

A.A. Mirgorodskiy

Eros as the Phenomenon in the Conceptions of Plato and V. Solovjov Comparatively

In the article the views of Plato and V. Solovjov to the problem of eros are examined comparatively so some relations between their conceptions are revealed. Plato and V. Solovjov see in essence of eros phenomenon the predominant origin of sexual nature of love. The main difference in their theories consists of internal description of source of cooperation and finite destiny of love sense. Plato considers the love as divine gift whereas V. Solovjov sees in love the potency of "God-Man", which is realized in future.

Стаття поступила в редакцію 19.03.2010.